

3000
P-798

А. Карпиз

ИСТОРИЯ ФРАНЦІИ

ОТЪ

НИЗВЕРЖЕНІЯ НАПОЛЕОНА I

ДО

ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ИМПЕРІИ

1814—1852

А. Л. РОХАУ

СЪ НѢМЕЦКАГО

ПЕРЕВОДЪ И ИЗДАНИЕ

М. А. АНТОНОВИЧА и А. Н. ПЫПИНА

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ I

31420

С. ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ О. И. БАКСТА.

СТРЕМЯННАЯ, № 14

БИБЛИОТЕКА

Ленинград. отделения

Коммунист. Академии

СССР

БИБЛИОТЕКА

Государственного Университета

Варшавы

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Важность знанія современной исторіи и почти совершенный недостатокъ на русскомъ языкѣ книгъ, изъ которыхъ русскій читатель могъ бы заимствовать это знаніе, побудили насъ приступить къ переводу и изданію на русскомъ языкѣ цѣлаго ряда сочиненій по современной исторіи европейскихъ государствъ.

Этимъ изданіемъ мы надѣемся, или по крайней мѣрѣ желаемъ, пополнить слишкомъ чувствительный пробѣлъ и въ нашей литературѣ и въ ходячихъ общественныхъ понятіяхъ. Для огромнаго большинства русской читающей публики остается совершенно неизвѣстна современная исторія, которая представляетъ столько любопытнаго сама по себѣ и которая притомъ такъ часто встрѣчается съ нашей собственной исторіей—или въ разнообразныхъ политическихъ столкновеніяхъ, или въ литературныхъ и общественныхъ вліяніяхъ Европы на русскую дѣйствительность. Принимая формы европейской жизни и подчиняясь ея умственному и литературному вліянію, мы необходимо нуждаемся въ знакомствѣ съ движеніемъ и характеромъ европейскихъ обществъ для успѣховъ нашего собственнаго теоретическаго самосознанія; и желаніе удовлетворить этой, еще слишкомъ мало сознаваемой, но тѣмъ не менѣе настоятельной необходимости, руководило нами въ предпринимаемомъ трудѣ, обширность котораго не-

остановить насъ, если бы мы увѣрились, что интересъ читателей подтверждаетъ наше мнѣніе о необходимости и пользѣ такого труда.

Въ европейской литературѣ современная исторія представляетъ громадный матеріалъ—всего больше или изъ слишкомъ обширныхъ описаній отдѣльныхъ событій или періодовъ, иногда писанныхъ людьми партій, или изъ множества мелкихъ панегириковъ или памфлетовъ, писанныхъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ событій, такъ что въ этой массѣ матеріала не легко было бы выбрать вещи наиболѣе цѣльныя и вмѣстѣ объективныя, какихъ требуютъ условія нашей задачи. Но нѣмецкая литература, этотъ обильный источникъ всякихъ знаній, доставляетъ намъ цѣлый сборникъ сочиненій по современной исторіи, близко подходящій къ нашей цѣли и въ подобномъ объемѣ лучший и даже единственный сборникъ въ европейской литературѣ. Это—рядъ изданій, предпринятый съ 1858 года Бидерманомъ и Гирцелемъ (*Staatengeschichte der neuesten Zeit*) и въ настоящее время представляющій уже сочиненія по современной исторіи *Франціи* (Рохау, 2 тома), *Австріи* (Шпрингера, 2 т.), *Италіи* (Рейхлина, 3 т.), *Англій* (Паули, 1-й томъ), *Россіи* (Бернгарди, 1-й томъ). Мы намѣрены передать на русскомъ языкѣ этотъ рядъ, съ нѣмецкой отчетливостью составленныхъ книгъ, дополняя его отдѣльными монографіями о болѣе важныхъ или любопытныхъ событіяхъ въ особенности новѣйшаго времени, и пользуясь для этого кромѣ нѣмецкой, также англійской и французской литературой.

Предлагаемая здѣсь читателямъ исторія Франціи, Рохау, имѣетъ свои недостатки и не вполне удовлетворяетъ насъ самихъ, но отличается и положительными достоинствами. Она представляетъ собою первое связное и подробное изложеніе новѣйшей французской исторіи, ведетъ рассказъ о событіяхъ очень просто, ясно и послѣдовательно, такъ что читателю отчетливо представляется вся кар-

тина и нить событій. Кромѣ того безпристрастіе и справедливость, искренняя любовь къ дѣлу общественнаго развитія, дѣлають это сочиненіе очень поучительнымъ. Можно пожалѣть, что авторъ его обращаетъ преимущественное вниманіе на парламентскую исторію въ ущербъ другимъ сторонамъ, мало говоритъ о развитіи и движеніи идей, о жизни общества внѣ оффиціальной и парламентской среды и даетъ мало мѣста исторіи литературы. Но для русскихъ читателей, которые изъ этого сочиненія только въ первый разъ узнають о многихъ событіяхъ, оно вполне удовлетворительно для начала, для перваго знакомства съ новѣйшей французской исторіей, для узнаванія общаго хода событій, такъ какъ внѣшняя фактическая сторона исторіи изложена въ немъ превосходно, подробно, обстоятельно и съ приличнымъ освѣщеніемъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РЕСТАВРАЦІЯ.

	СТРАН.
I. Первый годъ правленія Людовика XVIII (апрѣль 1814 — мартъ 1815).	3
II. Сто Дней (отъ 20 марта до конца іюня 1815)	39
III. Отъ втораго возстановленія королевства до Ахенскаго конгресса; министерство Ришелье (1815 — 1818)	65
IV. Министерство Деказа; второе министерство Ришелье; первые годы министерства Виллеля (1819 — 1822)	93
V. Конгрессъ въ Веронѣ и испанская война (1822 — 1823)	134
VI. Конецъ правленія Людовика XVIII († 17 сентября 1824).	174
VII. Начало правленія Карла X; три послѣдніе года министерства Виллеля (1824 — 1827).	185
VIII. Министерство Мартиньяка (1828 — 1829); министерство Полиньяка (1829—1830); завоеваніе Алжира	215
IX. Іюльская революція (1830).	253
X. Литература временъ реставраціи	300

КНИГА ВТОРАЯ.

ІЮЛЬСКАЯ МОНАРХІЯ.

I. Восшествіе на престолъ Луи-Филиппа; измѣненія въ конституціи; иностранныя дѣла.	321
II. Общественныя волненія (1831 и 1832).	368
III. Коммунизмъ, Сень-Симонизмъ и Фурьеризмъ	394
IV. Министерство 11 октября (1832 — 1836)	405

КНИГА ПЕРВАЯ.

РЕСТАВРАЦІЯ.

I.

ПЕРВЫЙ ГОДЪ ПРАВЛЕНІЯ ЛЮДОВИКА XVIII.

(Апрѣль 1814 — мартъ 1815)

Въ полдень 31 марта 1814 года войска союзниковъ вступили въ Парижъ при радостныхъ крикахъ народа. Вечеромъ того же дня на совѣщаніи, происходившемъ между русскимъ императоромъ, прусскимъ королемъ и княземъ Шварценбергомъ, рѣшено было низложение Наполеона. Наполеонъ, послѣ продолжительнаго и горячаго сопротивленія и только вслѣдствіе рѣзкихъ настояній своихъ собственныхъ генераловъ и маршаловъ, подписалъ 11 апрѣля актъ, которымъ онъ за себя и за своихъ потомковъ отказывался отъ престола, 20 апрѣля онъ оставилъ Фонтенбло и отправился на Эльбу.

Между тѣмъ сенатъ вообразилъ себя верховною властью въ государствѣ и, бывши со дня своего учрежденія слѣпымъ и нѣмымъ орудіемъ наполеоновскаго деспотизма, хотѣлъ казалось отмстить теперь императору за свое долгое самоуниженіе. 1 апрѣля сенатъ рѣшилъ учредить временное правительство, которое и было избрано изъ членовъ сената и во главѣ его поставленъ Талейранъ. На слѣдующій день сенатъ объявилъ низложение Наполеона, а 6 апрѣля отъ имени французскаго народа и какъ будто по его свободному выбору призывалъ Бурбоновъ на французскій престолъ. Въ то же время провозглашена была конституція, которая должна была обезпечить французамъ нѣкоторую долю политическихъ правъ и гражданской свободы, а самимъ сенаторамъ сохранить ихъ мѣста и жалованье не только на всю ихъ собственную жизнь, но даже и для

ихъ потомковъ. Передъ вступленіемъ на престолъ король долженъ былъ предварительно принести присягу этой конституціи, такъ что эта присяга была условіемъ признанія его королемъ.

Но на дѣлѣ верховная власть въ Парижѣ принадлежала императору Александру. Поставленный самымъ ходомъ военныхъ событій во главѣ коалиціи и будучи кромѣ того самою значительною личностью между союзными монархами, Александръ держалъ въ своихъ рукахъ послѣднее рѣшеніе судьбы Франціи. Однако король прусскій и князь Шварценбергъ, какъ представитель отсутствовавшаго австрійскаго императора, въ сущности пользовались правомъ соглашаться или не соглашаться съ рѣшеніями русскаго императора, который впрочемъ по своей природной уступчивости и по расчетливому благоразумію всегда заявлялъ доставшуюся ему власть въ самыхъ мягкихъ и непритязательныхъ формахъ.

Въ противоположность насильственнымъ мѣрамъ, которыя обыкновенно принималъ Наполеонъ въ завоеванныхъ имъ странахъ, Александръ хотѣлъ избѣжать всякаго вида насильственного вмѣшательства во внутреннія дѣла побѣжденной Франціи. Воля и потребности французскаго народа, сказалъ онъ, должны однѣ опредѣлить будущую конституцію и правительство страны.

Однако по самому положенію вещей содѣйствіе или по крайней мѣрѣ согласіе Александра было необходимымъ условіемъ для всякаго важнаго рѣшенія. Князь Талейранъ, въ домѣ котораго жилъ русскій императоръ, былъ посредникомъ вліянія Александра на событія, послѣдовавшія за взятіемъ Парижа и всѣ рѣшенія, какія принималъ Талейранъ, какъ членъ сената и какъ президентъ временнаго правительства, составлялись не иначе какъ съ предварительнаго согласія русскаго императора. Талейранъ, который не безъ основанія утверждалъ въ своемъ завѣщаніи, что онъ ни одного правительства не оставлялъ прежде, чѣмъ оно само себя не губило, оставилъ дѣло Наполеона весьма неохотно и только тогда, когда оно казалось ему погибшимъ безвозвратно. Вся прошедшая дѣятельность Талейрана и въ особенности лежавшее на немъ тяжелымъ бременемъ участіе его въ убіеніи герцога Ангьенскаго внушали ему живыя опасенія и заставляли его бояться возстановленія Бурбоновъ. Императоръ Александръ съ своей стороны менѣе всего былъ расположенъ въ пользу Бурбоновъ. Онъ, также какъ и король прусскій, поступали очень не великодушно съ братьями Людовика XVI въ

изгнаніи, такъ что послѣдніе естественно должны были возбудить къ себѣ нерасположеніе въ обоихъ монархахъ. Александръ предпочелъ бы Людовику XVIII даже Бернадотта или когонибудь другаго изъ наполеоновскихъ маршаловъ, если бы онъ не долженъ былъ убѣдиться въ невозможности такого выбора. Правительства Австріи и Англіи и ихъ военные и политическіе уполномоченные, до взятія Парижа и даже нѣсколько времени послѣ взятія, весьма холодно относились къ интересу легитимности, воплощенному въ Бурбонахъ. На Бурбоновъ смотрѣли какъ на устарѣлую, неспособную, забытую династію; всѣ расположены были считать ихъ «невозможными», и никто не думалъ дѣлать насилія естественному ходу вещей во имя несостоятельнаго принципа.

Но на самомъ дѣлѣ этотъ ходъ вещей и дѣлалъ Бурбоновъ необходимыми. Наполеона нельзя было оставить, иначе не была бы достигнута цѣль всей войны; если бы былъ признанъ Наполеонъ II съ регентствомъ Маріи Луизы, тогда Наполеонъ I подъ именемъ частнаго человѣка, и даже находясь внѣ французскихъ границъ, былъ бы властителемъ Франціи и угрожалъ бы опасностью всей Европѣ. Такимъ образомъ, даже и въ томъ случаѣ, если бы союзники сами и не хотѣли создать наскоро явно неестественнаго и непрочнаго государственнаго порядка, имъ все таки не оставалось никакого другаго исхода кромѣ призванія старой династіи, которая притомъ всегда имѣла за себя цѣлую партію и находилась въ нѣкоторой связи со всею націей по историческимъ воспоминаніямъ, простиравшимся на нѣсколько вѣковъ.

Конечно эти воспоминанія чрезвычайно ослабѣли послѣ важнѣйшихъ событій революціи и имперіи. Бурбоны оставили Францію болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ и если въ первое время своего изгнанія они заставляли много говорить о себѣ, то въ послѣдствіи времени они наконецъ были почти совершенно забыты массою французскаго народа. Протестъ противъ учрежденія имперіи былъ послѣднимъ гласнымъ признакомъ жизни низверженной династіи, члены которой во все остальное время наполеоновскаго владычества издалека, безгласно, одиноко, бездѣйственно и безнадежно смотрѣли на совершавшіяся событія времени. Дѣятельная сила роялистской партіи во Франціи уже давно исчезла и естественный представитель ея, дворянство, казалось уже совершенно потеряннымъ для дѣла Бурбоновъ. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ первыхъ четырехъ или пяти лѣтъ

правления Наполеона едва ли была во Франціи хоть одна аристократическая фамилія, которая бы не имѣла одного или нѣсколькихъ своихъ членовъ между государственными или придворными чиновниками имперіи. Фамиліи Праленъ, Бриньоль, Шеврезъ, Мортемаръ, Монморанси, Роганъ, Ноайль, Бранкасъ, Бово, Круа, Сентъ-Симонъ, Контадъ, Ларошфуко, Кольберъ, Тюрениъ, Булье, Крильонъ и многіе другіе, имена которыхъ блистали въ войскахъ Людовика Святаго или Франциска I, или по крайней мѣрѣ при дворѣ Людовика XIV, теперь служили корсиканскому узурпатору генералами, дипломатами, камергерами или въ другихъ доходныхъ должностяхъ.

Между тѣмъ Наполеонъ, призывая эмигрировавшихъ дворянъ и привлекая ихъ къ себѣ, допустилъ непонятную ошибку тѣмъ, что прямо не признавалъ стараго дворянскаго достоинства, если оно не было вновь пожаловано императоромъ, и кромѣ того никогда не утверждалъ наслѣдственныхъ фамиліныхъ титуловъ и часто даже вмѣсто ихъ давалъ титулы низшихъ степеней. Такое безцѣльное оскорбленіе дворянскаго чванства естественно было достаточно для того, чтобы препятствовать искреннему его примиренію съ императорскимъ правленіемъ и поддерживать нѣкоторую горечь въ сердцахъ старыхъ дворянъ, которая рано или поздно могла придти въ броженіе и перелиться черезъ край.

И дѣйствительно, въ день вступленія союзниковъ въ Парижъ первый толчекъ къ бурбонской реакціи былъ данъ нѣкоторыми членами стараго дворянства, которые надѣли бѣлыя кокарды, ходили по улицамъ съ криками: да здравствуетъ король! и осадили императора Александра своими представленіями въ пользу Бурбоновъ. Это движеніе, искусственное по своему началу, весьма быстро перешло однако въ массу народа, потому что цѣль его совпадала съ необходимостью, порожденною силою обстоятельствъ. Если Бурбоны были чужды народу, то и гнетъ правленія Наполеона чувствовался очень сильно и очень долго для того, чтобы съ радостію привѣтствовать хоть какую нибудь перемену. А переменна возможна была только въ пользу Бурбоновъ, и французскій народъ по своему характеру могъ въ первую минуту помириться съ необходимостью, вынужденною обстоятельствами, во вторую былъ радъ этой необходимости, а въ третью могъ даже воодушевляться этой необходимостью.

Изъ лицъ, принадлежавшихъ къ дому Бурбоновъ, графъ Артуа былъ ближе всѣхъ къ мѣсту главныхъ событій. Слѣдуя сначала за

австрійскимъ, потомъ за русскимъ войскомъ, съ титуломъ намѣстника-королевства, который онъ самъ себѣ присвоилъ и котораго никто не признавалъ за нимъ, графъ Артуа прибылъ въ Нанси, гдѣ онъ долженъ былъ остаться безъ всякаго общественнаго положенія или власти до тѣхъ поръ, пока не былъ окончательно рѣшенъ вопросъ о престолонаслѣдіи не въ пользу Наполеона и его семейства. Письмо отъ 4 апрѣля, написанное Талейраномъ, отъ имени временнаго правительства приглашало графа Артуа прибыть въ Парижъ. Принцъ послѣдовалъ этому приглашенію. Народъ принялъ его съ нѣкоторымъ сочувствіемъ, которое онъ умѣлъ поддержать и усилить щедрыми обѣщаніями: что война прекращается, конскрипція будетъ уничтожена и отмѣнится ненавистный акцизъ на напитки.

Прибывши 11 апрѣля въ замокъ Ливри, недалеко отъ Парижа, графъ Артуа получилъ письмо отъ временнаго правительства съ предложеніемъ, чтобы онъ временно принялъ въ свои руки правительственную власть, такъ однако, чтобы она передана была ему по сенатскому рѣшенію, — форма, которая удовлетворяла разнымъ имѣвшимся въ виду интересамъ и соображеніямъ.

Графъ Артуа отвергъ это предложеніе. Онъ хотѣлъ принять на себя государственную власть не по сенатскому рѣшенію, а въ силу наслѣдственнаго права и именемъ Людовика XVIII. Временное правительство съ своей стороны не хотѣло уступить этимъ требованіямъ и потому при въѣздѣ графа Артуа въ Парижъ привѣтствовало его въ лицѣ своего президента Талейрана краткою рѣчью, въ которой съ намѣреніемъ умалчивалось о политическомъ положеніи и значеніи принца. Графъ Артуа, нѣсколько смущенный этой уловкой, произнесъ въ отвѣтъ нѣсколько безсвязныхъ словъ, изъ которыхъ по приказанію Талейрана Мониторъ на слѣдующій день сдѣлалъ важное обѣщаніе: что настоящее положеніе ни въ чемъ не измѣнится, что съ этихъ поръ во Франціи стало только однимъ французомъ больше.

Графъ Артуа прежде всего отправился въ кафедральный соборъ, гдѣ духовенство привѣтствовало его всѣми благожеланіями, которыя у него всегда готовы для всѣхъ перемѣняющихся властей дня, и затѣмъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Тюльери. Между тѣмъ временное правительство все еще сохраняло силу. Принцъ однако повидимому отказывался признать его и, въ отсутствіи короля, считалъ себя единственнымъ законнымъ представителемъ государствен-

ной власти, для пользованія которою у него конечно не доставало ни средствъ, ни органовъ.

Императоръ Александръ рѣшился примирить эти противоположныя требованія, или лучше склонить графа Артуа на уступку требованіямъ сената и временнаго правительства. Послѣ посѣщенія Александра и послѣ продолжительнаго разговора съ нимъ, графъ Артуа рѣшился принять изъ рукъ сената титулъ наместника, а вмѣстѣ съ нимъ и правительственную власть. Составленное для этой рѣчи сенатское рѣшеніе было представлено ему въ Тюльери самимъ сенатомъ 14 апрѣля. Принцъ отвѣчалъ сенату рѣчью, которая была составлена Фуше и исправлена Талейраномъ. Въ этой рѣчи онъ объявляетъ, что онъ не получилъ отъ короля полномочія принять конституцію, но не сомнѣвается, что королемъ будутъ одобрены основанія этой конституціи, т. е. ограниченіе монархіи двумя палатами, право палатъ утверждать подати, свобода печати и вѣроисповѣданій, отвѣтственность министровъ, независимость и несмѣняемость судей, утвержденіе продажи національныхъ имуществъ, признаніе почетнаго легіона и всѣхъ пожалованныхъ прежними правительствами титуловъ, должностей, чиновъ и жалованья.

Въ помощь себѣ при отправленіи обязанностей, соединенныхъ съ государственною властью, графъ Артуа составилъ государственный совѣтъ, въ который онъ назначилъ пятерыхъ членовъ уничтоженнаго теперь временнаго правительства и кромѣ того троихъ наполеоновскихъ маршаловъ и генераловъ. Какъ прежде во временномъ правительствѣ, такъ и теперь въ государственномъ совѣтѣ главнымъ лицомъ былъ Талейранъ, которому принадлежало первое и послѣднее слово. Первая забота государственнаго совѣта была устремлена на то, чтобы возстановить прерванную связь между правительственною властью и между провинціальными властями, для чего и посланы были чрезвычайные комиссары, снабженные самыми широкими полномочіями. Но Франція уже очень хорошо приучена была къ централизациі, такъ что исполненіе этой задачи не встрѣтило ни малѣйшей трудности; переменна династія и все, что случилось и рѣшено было въ Парижѣ, было одобрено и признано всею страной безъ малѣйшаго противорѣчія, тѣмъ болѣе безъ малѣйшей попытки къ сопротивленію.

Затѣмъ нужно было позаботиться о томъ, чтобы привести въ движеніе совершенно остановившіеся источники доходовъ для на-

полненія совсѣмъ опустѣвшей государственной кассы. Для этой цѣли предписано было продолжать взиманіе чрезвычайныхъ податей, которыя въ январѣ были установлены Наполеономъ безъ согласія сената и законодательнаго корпуса, и кромѣ того сдѣлано распоряженіе о выпускѣ бумажныхъ денегъ. Объ уничтоженіи акциза на напитки, столько разъ обѣщанномъ графомъ Артуа, не было больше и рѣчи, въ виду настоятельныхъ финансовыхъ нуждъ.

Гораздо важнѣе, чѣмъ эти внутреннія дѣла, было первое дипломатическое соглашеніе съ союзными державами, которое графъ Артуа заключилъ 23 апрѣля подъ именемъ перемирія. По этому договору, который впрочемъ не долженъ былъ предрѣшать будущихъ условій мира, Франція обязывалась очистить всѣ крѣпости, бывшія въ ея рукахъ и лежація внѣ тѣхъ границъ, какія она имѣла 1 января 1792 года, а союзныя войска съ своей стороны должны были удалиться изъ Франціи за эти границы. Военные матеріалы въ крѣпостяхъ, арсеналы, гавани, оставшіяся въ рукахъ союзниковъ по условіямъ перемирія, представляли собою цѣнность въ полтора миллиарда франковъ, какъ свидѣлствуютъ французскіе источники. Подписаніе этого договора французы обыкновенно называютъ измѣной князя Талейрана, хотя очевидно, что союзники и не могли требовать меньше отъ Франціи и что она не имѣла ни основаній, ни средствъ отказать имъ въ ихъ требованіяхъ.

Кромѣ того враги новаго порядка вещей видѣли еще другую, только замаскированную, уступку иностранцамъ въ томъ, что въ это самое время издано было распоряженіе, уничтожавшее континентальную систему и значительно уменьшавшее провозныя пошлины на колоніальныя и хлопчатобумажныя товары. Конечно, вслѣдствіе этой мѣры нѣкоторые французскіе фабриканты и купцы понесли чувствительныя потери отъ внезапнаго пониженія въ цѣнѣ ихъ запасовъ, произведеннаго громаднымъ англійскимъ ввозомъ, но сами по себѣ перемѣна тарифа и пониженіе привозныхъ пошлинъ были безъ всякаго сомнѣнія не только экономическимъ благодѣяніемъ для Франціи, но почти неизбѣжною необходимостью, которой требовали голосъ народа и народныя потребности еще настоятельнѣе, чѣмъ какія нибудь внушенія англійской торговой политики.

Людовикъ XVIII до сихъ поръ ни словомъ, ни дѣломъ не принималъ участія въ парижскихъ событіяхъ. Въ своемъ помѣстьѣ Гартуэллѣ близъ Лондона онъ оставался спокойнымъ зрителемъ хода

вещей во Франціи, потому ли, что онъ хотѣлъ избѣжать отвѣтственности за первыя жертвы, которыя должна была принести побѣжденная Франція, или можетъ быть потому, что почва казалась ему еще недостаточно твердою для того, чтобы можно было безопасно ступить на нее.

Наконецъ 20 апрѣля Людовикъ XVIII оставилъ Гартуэлль и отправился въ Лондонъ, гдѣ ему былъ устроенъ радостный и торжественный пріемъ. Восторгъ, произведенный въ немъ этимъ пріемомъ, и былъ по всей вѣроятности причиною того, что этотъ обыкновенно столь холодный и расчетливый государь, всегда усиленно заботившійся о поддержаніи достоинства своей роли, произнесъ нѣсколько словъ, которыя имѣли весьма дурной видъ въ устахъ французскаго короля. Отвѣчая на привѣтственную рѣчь принца регента Англіи, онъ сказалъ: «послѣ божественнаго провидѣнія я обязанъ возстановленіемъ моего трона конечно совѣтамъ вашего королевскаго высочества, вашей славной странѣ и довѣрію ея жителей».

Черезъ нѣсколько дней, Людовикъ XVIII прибылъ 29 апрѣля въ Компьень, гдѣ онъ и остановился на нѣсколько времени, чтобы собраться съ духомъ и обдумать послѣднія совѣщанія и рѣшенія, которыя должны были предшествовать его вѣзду въ столицу. Вездѣ народъ встрѣчалъ короля съ радостью, вездѣ чиновники и начальства, поставленные прежними правительствами, высказывали ему безусловное подчиненіе и преданность. Казалось, возвратились въ новомъ блескѣ прекрасные дни стараго королевства. Только одинъ голосъ изъ Парижа произвелъ нѣкоторый диссонансъ въ этомъ роялистскомъ торжествѣ. Это былъ голосъ князя Талейрана, который прислалъ депешу за депешей, чтобы побудить короля къ формальному признанію конституціи, составленной сенатомъ. Людовикъ XVIII и всѣ его окружающіе прямо и рѣшительно возставали противъ этого требованія. Старые дворяне, составлявшіе за границей дворъ короля или приставшіе къ нему уже по его возвращеніи, мечтали о полномъ возстановленіи порядка вещей въ духѣ старой монархіи, и самъ король, хотя онъ и соглашался на конституціонную государственную форму, тѣмъ не менѣе твердо держался идей о непосредственномъ королевскомъ полновластіи, въ силу котораго онъ могъ пожаловать Франціи конституцію, но ни за что не соглашался принять ее отъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ представителей націи.

Маршалы и высшіе сановники государства принесли королю по-

здравленія въ Компьени. Законодательный корпусъ, который съ первыхъ дней апрѣля совершенно исчезъ съ общественной арены, также явился въ Компьень ко двору Людовика XVIII, который на слова президента корпуса, сильно ударявшія на конституціонный вопросъ, отвѣчалъ общей фразой, что онъ желаетъ идти рука объ руку съ представителями націи.

Сенатъ счелъ нужнымъ не являться къ Людовику XVIII до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнитъ условія, постановленнаго для вступленія его на царство въ конституціи 6 апрѣля, т. е. пока онъ не принесетъ присягу конституціи. Король же и его довѣренный совѣтникъ герцогъ Блакасъ приняли твердое рѣшеніе безусловно отвергнуть это требованіе сената. При такомъ столкновеніи вмѣшательство императора Александра снова оказалось необходимо для того, чтобы уладить дѣло. По ходатайству Талейрана и его друзей Александръ поспѣшилъ въ Компьень, чтобы склонить Людовика XVIII на уступку, подобно тому, какъ онъ склонилъ прежде графа Артуа. Но на этотъ разъ протекторъ французскаго конституціонализма встрѣтился съ болѣе искусной діалектикой и болѣе твердою волей. Послѣ продолжительнаго разговора оба монарха согласились наконецъ на сдѣлку, на среднюю мѣру въ такомъ родѣ, что Людовикъ XVIII подтверждаетъ принятіе основныхъ началъ конституціи 6 апрѣля, обѣщанное его братомъ, а напротивъ самую конституцію онъ дастъ собственною властью и волею. Согласіе Александра на такую сдѣлку естественно устранило всякія возраженія со стороны сената.

Между тѣмъ скоро возникла новая трудность. Между императоромъ и королемъ было условлено, что Людовикъ XVIII свое рѣшеніе относительно конституціи объявитъ народу въ манифестѣ передъ въѣздомъ въ Парижъ, назначеннымъ на 3 мая, и что этотъ манифестъ будетъ составленъ княземъ Талейраномъ. И дѣйствительно 2 мая Талейранъ привезъ въ Сентъ-Уэнъ, куда переехалъ король изъ Компьени, проектъ манифеста, въ которомъ говорилось, что король любовью народа призванъ на тронъ своихъ отцовъ, что онъ признаетъ необходимымъ сохранить сенатъ, мудрости котораго онъ отчасти обязанъ своимъ возвращеніемъ, что онъ желаетъ сохранить также представительную конституцію съ двумя палатами, и что онъ принесетъ присягу этой конституціи, какъ только она будетъ принята палатами и французскимъ народомъ.